

Сожженные рукописи

ЗАЯРА ВЕСЕЛАЯ

Артем Веселый - литературный псевдоним моего отца Николая Ивановича Кочкурова. Он родился 29 сентября 1899 года в Самаре; дедушка был извозчиком, бабушка до замужества батрачила в деревне. Отец, по его словам, был первым в своем роду грамотным.

В Государственном литературном музее хранится листок, на котором рукой Артема Веселого помечены основные вехи его жизни до 1930 года: «Улица - школа - завод - бродяжка - продавец газет - извозчик - писарь - агитатор - красногвардеец - газета - партработа - красноармеец - студент - матрос - писатель». «Жизненных впечатлений у меня значительный запас, - говорил Артем Веселый, - надолго хватит черпать». Но его век оказался коротким: он был расстрелян 8 апреля 1938 года.

Непосредственным предвестником несчастья стала появившаяся весной 1934 года статья в «Комсомольской правде»: «КЛЕВЕТНИЧЕСКАЯ КНИГА. О романе А. Веселого «Россия, кровью умытая».

Эта книга о гражданской войне, фрагменты которой в 20-е годы начали печататься в газетах, журналах, альманахах и сборниках, от публикации к публикации пополнялась новыми главами и в 1936 году, все еще не завершенная, вышла четвертым изданием и была очень популярна.

Предчувствуя арест, Артем Веселый отдал на сохранение родителям значительную часть архива, надеясь, что неграмотного отца не тро-

нут. Дедушка умер во время войны, бабушка - в 1948-м. Архив остался на попечении младшего брата Артема Василия Ивановича Кочкурова и его жены Клавдии Алексеевны. Люди, далекие от литературы - грузчик и работница столовой, - они не только по-родственному любили Артема, но и бесконечно уважали его труд, верили, что оставленные бумаги пригодятся ему, когда он вернется из заключения. Ведь в приговоре, как об этом сообщили родным, было сказано: «десять лет без права переписки». Арте-

ма уже давно не было в живых, а его ждали. Ждали вплоть до пятидесяти шестого года...

Девятнадцать лет большая бельевая корзина из ивовых прутьев, доверху набитая книгами и бумагами, простояла в центре Москвы, на Покровке, спрятанная под кровать. Никто не знал о ее существовании. В этой корзине - после реабилитации отца - мы обнаружили четыре издания «России, кровью умытой», все шесть изданий исторической повести о Ермаке «Гуляй Волга», повесть «Реки огненные», а также

множество журналов и газетных вырезок с его рассказами, очерками, стихотворениями в прозе. Там же оказались кипы черновики - многочисленные варианты опубликованных текстов: отец тщательно работал над стилем своих произведений, иногда из-за одной-двух фраз или даже нескольких слов заново переписывал целые страницы и, к удивлению слушателей, мог читать свою прозу наизусть. Была тут и объемистая папка, а в ней наброски к историческому роману «Запорожцы», рецензия, письма, документы, фотографии.

После реабилитации отца по просьбе родственников Союз писателей СССР обратился в КГБ с официальным запросом о судьбе рукописей. Пришел ответ: «...При аресте в 1937 году у него были изъяты рукописи литературных произведений: «Печаль земли», «Глубокое дыхание», «На высокой волне», «Притон страстей» и сценарий «Мир будет наш», однако указанные рукописи не сохранились».

Полагая, что ситуация в стране изменилась, мы до самого последнего времени обращались туда же с тем же вопросом. И получали прежний ответ.

При этом часто приходится слышать, мол, рукописи не горят.

Еще как горят! И в 37-м, как вспоминают очевидцы, и в 49-м - сама видела - летели черные хлопья сожженной бумаги над лубяньским прогулочным двором: не иначе - чьи-то письма, дневники, рисунки, фотографии. И рукописи...

Иллюстрация Даниила Дарана к третьему изданию романа «Россия, кровью умытая».

Утро России. 29.09.94